



Николай БЕРДЯЕВ

Русский соблазн

(По поводу «Серебряного голубя» А. Белого)

Удивительный и неожиданный роман А. Белого «Серебряный голубь» дает повод по-новому поставить вековую русскую тему об отношении интеллигенции и народа. Но у А. Белого тема эта погружена в мистическую стихию России и тем самым углублена, перенесена в иную плоскость. В романе А. Белого есть гениальный размах, выход в ширь народной жизни, проникновение в душу России. Силой художественного дара преодолевает А. Белый свой субъективизм и проникает в объективную стихию России. Решительно нужно сказать, что новое русское искусство не создало ничего более значительного. В романе А. Белого чувствуется возврат к традициям великой русской литературы, но на почве завоеваний нового искусства. В «Серебряном голубе» своеобразно соединяется символизм с реализмом. Белый принадлежит к школе Гоголя и является настоящим продолжателем гоголевской традиции. В мою задачу не входит литературно-художественная оценка «Серебряного голубя». Литературные критики высоко оценят этот роман, но найдут в нем неровности, местами склонность к шаржу, местами смутность формы, ставящую читателю препятствия. Можно сказать, что образ Кати совсем не реален, что он вставлен в реальную действительность, точно красивая картина. Поэтому и роман Дарьяльского с Катей нежизнен, все Гугелево есть лишь вставной рисунок. Но есть места большой художественной силы. Таково, напр<имер>, место, в котором описывается, как Дарьяльский заблудился в лесу по дороге из Целибеева в Гугелево. Как изумительно соответствие того, что происходит в душе Дарьяльского, с тем, что происходит в природе. Дарьяльский внешне заблудился в лесу, и внутренне дух его заблудился. Везде у А. Белого жизнь природы сливается с жизнью души. Все преломляется в душе Дарьяльского, но остается космичность природной и народной жизни. Роман А. Белого поражает своей худо-

жественной правдой, глубоким чувством России, глубоким проникновением в народную жизнь. В нем нет никакой ложной идеализации народа, нет народнической слащавости. А. Белый что-то новое почуял в русской стихии, в русской народной жизни, какую-то жуткую страсть, скрытую от русской литературы народнической полосы. Эта жуткая страсть, сладострастие томящегося духа таится не только в русском мистическом сектантстве, но и вообще в русской народной стихии. Ведь героем «Серебряного голубя» является Россия, ее мистическая стихия, ее природа, ее душа. Матрена — русская земля. Правда, стихия России преломляется в душе культурного интеллигента Дарьяльского, но в этом нет импрессионистского индивидуализма и субъективизма. Герой — не Дарьяльский, а Россия. Все, что есть болезненного и упадочного в А. Белом, выразилось в Дарьяльском, все, что в нем есть глубокого и значительного, выразилось в его чувстве России. У Дарьяльского есть ощущение призрачности бытия. Да и не может не быть этой призрачности при пассивном к бытию отношении. Лишь активное отношение к бытию дает чувство реальности бытия. Воля полагает различие между сущим и не сущим. Дарьяльский живет точно под властью наваждения, точно в атмосфере магической заколдованности. В «Серебряном голубе» две стороны: болезненная и упадочная пассивность и расслабленность Дарьяльского и могучее проникновение в народную стихию, в русскую природу. Дух захватывает от того большого, безмерно широкого и глубокого, что подымается в «Серебряном голубе».

Тема «Серебряного голубя» — встреча культурного русского интеллигента, пережившего все новейшие течения от марксизма до оккультизма, с великорусской мистической сектой голубей, по духу своему близкой к хлыстовству. А. Белый удивительно справился с трудной задачей проникновения в дух нашего мистического сектанства, а через сектанство и в дух русской земли вообще. Встреча Дарьяльского с голубями есть как бы встреча мистики культурной с мистикой народной. Соединение Дарьяльского с Матреной и есть соединение интеллигенции с народом, от которого должна родиться новая Россия. Но Дарьяльский идет к народу с пустыми руками, пассивно отдается, ничего не привносит в народную жизнь. В отношении к стихии народной он не светоносен, не солнечен, не мужествен, он не вносит Логоса в стихию. Гибель Дарьяльского — неизбежный результат его пассивности, его безволия. Дарьяльский — соблазненный, соблазненный Матреной, женственной стихией, стихией России, стихией народа. Акта воли, акта свободного избрания, мужественного овладения и оформления, мужественного Логоса в Дарьяльском нет и следа. Он живет, как в заколдованном царстве, пассивно отдается стихиям, он — медиумичен, через него проходят магические силы, тол-

кающие его в разные стороны. Дарьяльский окутан кошмарной призрачностью, то его соблазняющей, то отталкивающей. Мистические тяготения культурного интеллигента Дарьяльского, бывшего марксиста, потом декадента, потом немного оккультиста, пассивны, медиумичны, безвольны. Мистика Дарьяльского ослаблена, женоподобна. Ему противостоит мощная стихия народная и влечет его к себе. Но мистика народная, мистика Кудеярова и Матрены, темно-стихийна и демонична, жутка. Эта жуть народной мистической стихии передана А. Белым необычайно сильно. Страшная непросветленность есть в нашем мистическом сектантстве, отсутствие Логоса, темное самоутверждение и срыв в бездну. А. Белый почувал это и передал нам. «Серебряный голубь» — мрачная, безутешная книга. Народ в мистической своей стихии могуч, но темен, почти демоничен. Культурная интеллигенция — безвольна, болезненна, пассивна. Сам А. Белый живет под обаянием русской стихии, русских полей, русской рябой бабы. Но исхода не видно. Роман А. Белого вплотную подводит нас к проблеме мистического народничества.

Дух народничества неискоренимо присущ русским. Нет страны, в которой был бы такой культ «народа», как у нас, такая надежда от народа получить истину, такая жажда слияния с народом. И нигде нет такого отщепенства и такой разорванности¹. Народничество являлось у нас в разных одеяниях, постоянно перевоплощалось: то в форме славянофильства, то в форме «народничества» в собственном смысле этого слова, то в форме толстовства, оно прокралось даже в русский марксизм, а ныне принимает форму явно мистическую. Мистическое народничество — глубочайшее устремление русского национального духа. Мистическое народничество глубоко заложено в природе русской воли, а может быть, и русского безволия. За русским народничеством даже позитивного образца скрывалась своеобразная мистика, мистика неосознанная. Теперь наступили дни выявления мистики, поэтому и народничество принимает явно мистическую окраску. Интеллигенты нового мистического образца ищут в народе не истинной революционности, а истинной мистичности. Надеются получить от народа не социальную правду, а религиозный свет. Но психологическое отношение к народу остается таким же, каким было раньше: та же жажда отдаться народу и от него получить свет, то же поклонение народу, та же неспособность к мужественной солнечности, к овладению стихией, к внесению в нее смысла. Русская интеллигенция в сущности всегда была женственна: она способна на героические подвиги, на жертвы, на отдание своей жизни, но ни

когда не была способна на мужественную активность, никогда не имела внутреннего упора; она отдавалась стихии, не была носителем Логоса. Это, быть может, связано с тем, что в русской истории никогда не было рыцарства. Есть черты сходства, роднящие русского революционера и народника старого образца и русского декадента и мистика нового образца. И те и другие находятся во власти женственной народной стихии и бессильны внести в нее оформляющее начало Логоса; и те и другие готовы поклониться народу, одни во имя света революционного, другие во имя света мистического; и те и другие от народа оторваны, из народного организма выделены, идут к народу с пустыми руками, в народной стихии хотят получить то, чего не могут получить из первоисточника, отсюда, откуда сам народ черпает свой свет. Замечательнейшие русские писатели хотели верить в то, во что народ верит, и так верить, как народ верит. Во имя этого они соглашались опроститься. И не замечали, что в этом была страшная ложь и фальшь с точки зрения самой народной веры. Народ верит потому, что в вере видит свет истины. Самое веру и открывающуюся в ней истину ставит выше себя. Для русского мистического народничества народ был выше веры и истины и то было истиной, во что верил народ. И славянофилы, и Достоевский, и мн. др. не вполне были свободны от этого ложного поклонения народу и его вере. Это поклонение народной стихии сказалось и в нашем старообрядчестве, сказалось оно и в той национализации православной церкви, которая ослабила в нас чувство вселенскости. На этом же покоится и все толстовство, столь для русских характерное. В другой форме те же национальные особенности сказались и в лагере атеистически-народническом, и там искали правды у народа и народ ставили выше правды. Народничество — хроническая русская болезнь, препятствующая творческому возрождению России. Народничество, побужденное и изгнанное в одной форме, немедленно же возрождается в другой. Последняя форма народничества — народничество мистическое. Мистическое народничество есть ложь с точки зрения религиозной и опасность для России с точки зрения культурной и общественной. Очередная историческая задача русского самосознания — победить все формы народничества, т. е. радикально изменить наше отношение к народной стихии. Новое национальное самосознание, полное мессианистских упований, будет мужественно-активным, солнечным, светоносным, носителем Логоса, оформляющего и овладевающего стихией. Но это мужественное начало Логоса хранится в церкви, его нет в сектантстве, всегда стихийно-женственном. В нецерковном мистическом народничестве нет Логоса, есть ложное женоподобие, пассивное отдавание себя стихиям. Только церковь мужественна, и только в церковном сознании есть активное отношение к стихии, т. е. долж-

ное соотношение мужественного и женственного. И безрелигиозные русские народники, и бесцерковные русские мистики всегда готовы отдаться во власть народной стихии и ничего не в силах в нее внести.

Жажда раствориться, отдаться — чисто русская жажда. Взгляд рябой бабы Матрены вечно соблазняет, тянет в языческую национальную стихию. Этот уклон к обоготворению национальной русской стихии есть и в русском мистическом сектантстве, в хлыстовстве, есть и в старообрядчестве, есть и в историческом православии, поскольку в нем церковь слишком национализировалась и ослабла в ней вселенскость. России вечно грозит опасность язычески-стихийного национализма, реакционного и в религиозном отношении, и в общественно-культурном. Эта реакционная стихия сказала даже в русской революции. И в русской мистике всегда чувствуется этот уклон. Лишь вселенский Логос противоположен всякой стихийной реакционности, лишь правда Вселенской Церкви может быть противопоставлена всем формам нашей реакционности, нашему реакционному народничеству, реакционному язычеству, реакционной женственной мистике. Та русская стихия, которая чувствуется во взгляде Матрены, не уничтожается Логосом вселенским, а лишь просветляется, оформляется. Матрена ждет мужа и слишком долго его не находит. Ведь и наша стихийная черная сотня соблазняется взглядом Матрены, как им может быть соблазнена и наша стихийно-хаотическая революционность. Но опасность стихийно-языческой реакции есть и там, и здесь, так как реакция везде, где нет Логоса, нет мужественности, солнечности, светоносности, вносящей смысл. Матрена, — этот художественно-гениальный символ русской народной стихии, не должна соблазнять и расслаблять, ею должен овладеть муж. Тогда только универсальная правда победит нашу реакционность².

А. Белый связывает мистическую секту голубей, по духу близкую хлыстовству, с революцией. Он сближает стихию мистическую с стихией революционной. Но русское хлыстовство скорее реакционно, чем революционно. Хлыстовство есть реакция языческой народной стихии против вселенского Логоса. Хлыстовство революционно в отношении к Церкви, и именно потому оно реакционно. Реакционно все, что восстает против церковного Логоса, против вселенского смысла во имя изначальной стихии, — стихии, предшествующей всякому свету сознания, всякому самосознанию личности. Кудеяров — глава голубей — глубочайший, мистический реакционер, в нем — стихия, враждебная Логосу, овладевающему землей. В Кудеярове нет отношения к Христову Лику, нет того самосознания личности, того ее утверждения в Боге, которое только с Христом и может быть связано. В сектантстве нет Лица Христова и нет личности, есть лишь Дух, — Дух внутри человека.

И царство Духа есть царство безличное, Христу предшествующее, меньшее, а не большее, чем христианство. Кудеяров и Матрена — не мистическое христианство, а мистическое язычество, стихия до Христа, до Логоса, до личности. Стихия мистического сектантства реакционна и в отношении к культуре, так как культура неразрывно связана с универсальным Логосом, с победой светоносного мужа над женственной стихией. Все подлинно прогрессивное и освобождающее связано с мистикой Логоса, а не мистикой стихийной. Логос же живет в Церкви. Провал всякого сектантства, и мистического русского сектантства, — провал всякой реакционности — в отщепенстве от Церкви, в самоутверждении. Ложное отношение к Церкви и вселенскому церковному сознанию рождает все уклоны сектантства. И хлыстовство прежде всего повинно в отпадении от Церкви, в утверждении себя против Церкви Вселенской. Отсюда власть языческой стихии над хлыстами, власть естества, принятого за благодать, отсюда демонизм.

Глубоко проникает А. Белый в мистическую стихию народную. Но он просмотрел ту сторону народной жизни, которой народ русский связан с Церковью. Много язычества и в православном церковном быту, много того, что описал А. Белый в традиционном шаблонном типе попа Вакулы. Но есть и подлинное касание вселенской правды Церкви Христовой. Есть уголок в душе русского народа, в котором живет подлинно церковная христианская правда, — уголок просветленный. Этого А. Белый не чувствует, с этим А. Белый ничего не связывает. А ведь только церковная мистика просветлена и связана с мировой культурой. Нет солнечности и мужественности в мистике внецерковной, манящей и жуткой. Если бы не было уголка души в русском народе, которым овладел церковный Логос, то не было бы никакой надежды на то, что народу русскому предстоит великое мировое будущее. Ведь нельзя связать этого будущего ни с Кудеяровым, ни с Дарьяльским, в них тьма и пассивность. Это А. Белый вскрыл силой художественной интуиции. А. Белый художественно чувствует ложь мистического народничества, хотя сам не вполне от него свободен. Он вскрывает тьму внецерковной народной мистики и безволие мистики культурной. Читая «Серебряный голубь», укрепляешься в сознании того, что нельзя опираться ни на народ, ни на интеллигенцию, ни на власть, ни на духовенство, ни на какую человеческую и природную стихию, а опираться должно на Церковь, как мистический вселенский организм. Свет церковного сознания и силу церковной воли должно нести и в жизнь народную, и в жизнь интеллигентскую. Идолопоклонство перед народом, как и идолопоклонство перед всякой природной стихией, есть ложь и грех. Поклониться можно лишь Богу и покориться лишь Церкви Его.

В стихийной мистике личность не обретается и не утверждает-ся. Личность оформляется и приходит к неизбежному самосознанию лишь в Церкви Христовой. Стихийная мистика вся целиком в естестве, не выходит из круговорота естества. Личность же может быть утверждена лишь в преодолении естества, в порядке свободы. Хлыстовские радения целиком еще имманентно пребывают в естестве, в них нет трансцензуса в благодатный порядок свободы. Поэтому личность в хлыстовской стихии затеряна. Личности нет в мистическом экстазе голубей, так удивительно описанном А. Белым. Личности нет и нет свободы. Свобода трансцендентна естеству и его стихиям. У хлыстов же и голубей ожидание сошествия Св. Духа есть в сущности натуралистический пантеизм, в котором всегда тонут и личность, и свобода. Пока Логос не просветил естества, пока не открыл трансцендентного исхода из естества, нет еще личности и нет свободы. Тяготение культурных и перекультурных слоев к хлыстовству и мистическому народному сектантству есть показатель расслабленности, женственной податливости, утери личности и утери свободы. В нашем мистическом сектантстве скрыта огромная мистическая жажда и мистическая энергия. Но погиб тот, кто женственно ей отдается. Этой энергией нужно мужественно, активно овладеть, эту жажду нужно удовлетворить высшим смыслом. И только вселенский церковный Логос дает возможность мужественно овладеть мистической энергией и активно удовлетворить мистическую жажду. Ложное соотношение мужественного и женственного — великий грех и страшный провал. Мы слишком грешны в этом, и почва под нами давно уже проваливается. Гибель Дарьяльского глубоко символична. Это гибель не только от ложного отношения мистики культурной к мистике народной. Так гибли и русские революционеры-интеллигенты за ложное свое отношение к народной стихии. Гибнет наше культурное интеллигентное общество от расслабленности, от отсутствия мужественности, от разрыва с Логосом, от утери универсального смысла жизни. Даже более мужественные и активные отдаются Матрене, народной стихии, обоготворяют народ, утерев Бога; более же женственные и пассивные окончательно соблазняются Матреной, с возделением тянутся к мистической стихии и гибнут. Мистическое народничество — страшная ложь и страшный соблазн. Ложь и опасность таится в самой постановке проблемы интеллигенции и народа, культуры и стихии. Религиозный смысл имеет лишь проблема соотношения мужественного и женственного, Логоса и стихии земли. В Церкви есть не только мужественный Логос, но и вечная женственность; через Деву Марию вошел Логос в мир, и истинной мужественности свойствен тот культ вечной женственности, который противоположен ложной власти женственности. Только церковное сознание устраняет про-

блему ложную и разрешает проблему истинную. А. Белый гениально чувствует стихию России, русского народа, русской природы, русских полей и оврагов, русской бабы. Это — женственная стихия земли. Но он не ведает Логоса в национальном русском сознании и потому не чувствует мужественности нашей мировой миссии. Только в Церкви дано мужественное начало Логоса, а церковную сторону нашей национальной жизни А. Белый просмотрел.

Сам А. Белый не в силах овладеть мистической стихией России мужественным началом Логоса, он во власти женственной стихии народной, соблазнен ею и отдается ей. Это чувствуется во всем его творчестве, во всюду преследующем его чувстве призрачности бытия, в кошмарной заколдованности, которой полны его произведения. Мистика, отражающаяся в творчестве А. Белого, — по преимуществу женственная, часто переходящая в медиумизм. А. Белый — стихийный народник, стихийный националист, вечно соблазненный Матреной, полями, оврагами и трактирами, вечно жаждущий раствориться в русской стихии. Но чем меньше в нем Логоса, мужественного церковного сознания, тем более хочет он подменить Логос суррогатами — критической гносеологией, Риккертом, методологией западной культуры. Там ищет он мужественной дисциплины, оформляющей хаос русской мистической стихии, предотвращающей распад и провал. Чем более его соблазняет Матрена, чем более тянет его раствориться в мистической стихии России с ее жутким и темным хаосом, тем более поклоняется он гносеологии, методологии, научности, критицизму и проч. Культ Матрены и культ методологии — две стороны одной и той же разорванности, разобщенности земли и Логоса, стихии и сознания. В критической методологии и гносеологии так же мало Логоса, как и в Матрене, и в Кудеярове. И нет такой методологии, которой можно было бы овладеть Матреной. Бушующей, хаотической, темной стихией народной может овладеть лишь мужественный Логос церковный, а не метод, не гносеология, не риккертанство. Русская земля, полная мистической жажды, тянется к большому Разуму церковному, а не к малому разуму гносеологическому. В критической методологии так же мало Разума-Логоса, как и в мистическом сектантстве, и нет мужественной воли ни там, ни здесь³.

Одновременно с «Серебряным голубем» вышла замечательная книга А. Белого «Символизм». В ней с поражающей талантливостью обнаруживается другая сторона А. Белого, та, которой нет в его поэзии, в его симфониях, в «Серебряном голубе». Это А. Бе-

лый — философский, гносеологический, методологический, дифференцированный, культурный. Стихия Белого — чисто русская, национальная, народная, восточная, стихия женственная, пассивная, охваченная кошмарами и предчувствиями, близкая к безумию. Русские поля и рябые бабы, овраги и кабаки — близкие и родные *этому* А. Белому. В А. Белом много мистического славянофильства, — славянофильства беспокойного, мятущегося, катастрофического, связанного с Гоголем и Достоевским (а не с Хомяковым, в котором слишком силен был мужественный Логос). А. Белый как философ — чистейший западник и культурник. Он не любит русской философии, ему чуждо славянофильское сознание, его сознание исключительно западническое. *Этому* А. Белому Риккерт ближе Вл. Соловьева, Ницше ближе Достоевского, Яков Бёме ближе св. Серафима, дифференцированная методологическая философия ближе синтетической религиозной философии. Он методологически строго, почти научно готов привить русским западную мистику Эккерта и Бёме, столь непохожую на мистику Кудеярова и голубей. Но так ли противоположны восточно-русская стихийная мистика А. Белого и его западноевропейская сознательная философия? В стихийной мистике А. Белого чувствуется кошмарность и призрачность бытия. Кошмарность и призрачность бытия остается и в его философском сознании. В книге «Символизм» есть изумительная, местами гениальная глава «Эмблематика смысла», в которой А. Белый развивает своеобразную философскую систему, близкую к фихтеанству, но более художественную, чем научную. В этом своеобразном фихтеанстве чувствуется оторванность от бытия и боязнь бытия. А. Белый обоготворяет лишь собственный творческий акт. Бога нет, как Сущего, но божествен творческий акт, Бог творится, Он есть творимая ценность, долженствование, а не бытие. И в процессе творчества нет конца, нет завершения в абсолютном бытии. Творческий процесс протекает под кошмарной властью плохой бесконечности, дурной множественности. У А. Белого и родных ему по духу Сын рождается без Отца, Логос не имеет отчества и потому есть слово человеческое, а не Божье. И человек не имеет происхождения. А. Белый поднимается по ступеням вверх и разрушает каждую ступень, висит над пустой бездной и никогда, никуда не придет он в этом кошмарном карабкании вверх, так как нет конца, нет Того, к Кому идет, есть лишь вечный подъем, вечная заря, бесконечное творчество из ничего и к ничему. Это — философия иллюзионизма, призрачности, красоты кошмара. Даже Риккерта, — ступень, на которую так твердо пытался стать А. Белый, — разрушает он с неблагодарностью и смеется над ним остроумно и блестяще. Остается чистый творческий акт, но без носителя, без субстрата, без сущего. А. Белый пребывает в том поистине страшном заблуждении, что можно

прийти к Абсолютному, к истинному бытию, к свободе. Но из Абсолютного, из истинного бытия, из свободы можно лишь исходить. К Абсолютному нет путей, которые начинались бы не с Абсолютного, на первой же ступени нужно уже быть с Богом, чтобы подняться на следующие ступени, и нельзя познавать без изначальной связи с Абсолютным, без присутствия Логоса в познании. Нельзя прийти к Богу без помощи Бога, нельзя познать истину без Логоса, рожденного от Отца, нельзя дойти до Абсолютного, исходя из относительного. Нет путей к бытию, которые лежали бы через пустые бездны, нужно изначально пребывать в бытии, чтобы двигаться в нем. Быть в Боге и с Богом не есть конец движения, а лишь начало истинного движения. Синтетическая целостность должна присутствовать и в начале, на первой ступени, а не только в конце, на вершине, так как без синтетической целостности нельзя сделать шаг, нельзя двигаться, теряется равновесие. Бог — сущее, а не должное, бытие Его не зависит от нашего творческого акта. Но от нашего творческого акта зависит мир, мы участвуем в творческом просвещении и преображении мира, в воссоединении с Творцом.

В философском сознании своем А. Белый так же оторван от Логоса, как и в своей мистике. И там, и здесь — прозрачность бытия, помесь ценности с кошмаром, без всяких онтологических основ. В этом же коренится и тяготение А. Белого к западной оккультической дисциплине, проскальзывающее в его писаниях. А. Белый все ищет дисциплины, сознания, оформления извне, вместо того чтобы добыть все это изнутри. Дисциплину воли и дисциплину сознания нельзя получить извне от методов критической философии или методов оккультизма, но обрести можно лишь в глубине своего духа, соединившегося с церковным Логосом. В А. Белом я вижу ложное сочетание славянофильства и западничества, ложную связь Востока и Запада. Но чрезвычайно остро и болезненно ставит он эту проблему. А. Белый слишком славянофил и слишком западник. Он тянется и к восточной мистической стихии, и к неизреченной мистике западного образца. Но неизреченная западная мистика отрицает ту основную религиозную истину, что мистика выразима в Слове — Логосе. Невыразимая в Слове мистика антицерковна и антирелигиозна. Как художник А. Белый преодолевает индивидуализм и субъективизм, но только как художник. Как философ А. Белый остается оторванным от универсального Логоса. Эта оторванность повергает его в безысходный пессимизм. Творчество А. Белого оставляет в той же безысходности, что и творчество Гоголя. А. Белый не верит, что можно обрести свет Логоса в глубине духа, он тщетно ищет света то в восточной народной стихии, то в западном сознании. Он живет в густой и напряженной атмосфере Апокалипсиса,

переживания его апокалиптически-катастрофичны. В этом все значение его. В нем обостряется все до предела, все влечет к концу. Но в А. Белом чувствуется апокалиптическая женственность, особая мистическая рецептивность, через него проходят апокалиптические дуновения. Вместе с тем в А. Белом чувствуется природа этическая и правдолюбивая. И вечно грозит ему опасность разделить судьбу Гоголя.

Когда вникаешь в мистику наших дней, особенно чувствуешь правду, которой учили восточно-христианские мистики, правду о великом значении мистической трезвости. Мистическая трезвость и есть мужественность духа, неустанное противление всякому медиумизму, всякой расслабляющей податливости женственной стихии. Величайший образец мистической мужественности дан нам в образе св. Серафима Саровского. В хлыстовстве нет этой мужественности, нет никакой мужественности. Нет этой мужественности и в современной культурной мистике. Мужественность св. Серафима должна быть внесена в стихию народную.

«Серебряный голубь» — первая часть трилогии, которая называется «Восток и Запад». «Серебряный голубь» по-новому ставит вековую проблему Востока и Запада. Не знаю, как дальше справится А. Белый с своей задачей, но первая часть трилогии обнаружила в нем огромное, выходящее из ряда вон дарование. Большой чувствуется разлад между стихией и сознанием А. Белого, но есть правда художественная, которая возвышается над всяким разладом. Такова правда «Серебряного голубя». Много нового приоткрыл А. Белый в России, много такого, что не видно еще было даже величайшим русским писателям. Проблема Востока и Запада — чисто русская проблема. Россия стоит в центре Востока и Запада, она узел всемирной истории и в ней только может синтетически разрешиться вековая распря. Недаром все русское самосознание XIX века полно распрей славянофильства и западничества. Все в новых и новых формах является эта распря. И настанет время, когда окончательно должно нам преодолеть и славянофильство, и западничество. Есть провинциализм и в том и в другом направлении, нет подлинного универсализма ни там, ни здесь. В национальной плоти и крови должен быть утвержден универсальный разум, всечеловеческая правда. Наше национально-религиозное призвание может быть осознано лишь как призвание посредника между Востоком и Западом, соединителя правды Востока с правдой Запада, претворителя двух типов христианского религиозного опыта и двух типов культуры в жизнь единого всечело-

вечества. Поэтому наша национальная религиозная миссия прямо противоположна всякому реакционному национализму. Новое, творческое национальное самосознание не может быть ни славянофильским, ни западническим, оно не рабствует ни у восточной стихии, ни у западного сознания. Преодоление славянофильства и западничества и будет показателем наступления нашей национальной зрелости, национального самосознания. Славянофильство и западничество — юношеская незрелость, муки рождения самосознания. Ныне исторической задачей России во всех сферах должно быть зрелое и мужественное национальное самосознание, связанное с универсальным религиозным сознанием. В это национальное самосознание войдет вся правда славянофильская и правда западническая и преодолется ложный провинциализм славянофильский и западнический. Ведь и западничество есть провинциализм. На Западе нет западников, западники — провинциально-русское явление. Поклонение западноевропейскому сознанию, западноевропейской научности и культурности есть идолопоклонство. Сознание может быть лишь универсальным, а не западноевропейским, и наука и культура не могут быть исключительным достоянием западноевропейского провинциализма.

Хвала художнику, который вновь влечет нас к проблеме Востока и Запада, обращает литературу нашу от малого к великому. А. Белому принадлежит первое место среди наших художников. Тема его бесконечно глубокая и важная, такая серьезная и трепетная. В самом А. Белом все символично, все вызывает тревогу. В нем сильнее и крайнее выразилось то, что есть у многих «русских мальчиков» *. Одаренность его так велика, что боязнь за него превращается в боязнь за многих русских. Да снизойдет на него и на всех «русских мальчиков» благодатная сила мужественного Логоса ⁵.

Судак, 15 сентября



* Слова Достоевского в «Братьях Карамазовых» ⁴.